

Зоя Криминская

Наш Степан Сергеевич

Зоя Криминская
Наш Степан Сергеевич

«Издательские решения»

Криминская З.

Наш Степан Сергеевич / З. Криминская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960456-9

Короткие веселые рассказы о русском мальчике Степе, который родился в Америке, но каждое лето проводил со своими дедушкой и бабушкой на даче в Подмосковье.

ISBN 978-5-44-960456-9

© Криминская З.
© Издательские решения

Наш Степан Сергеевич

Зоя Криминская

© Зоя Криминская, 2019

ISBN 978-5-4496-0456-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало декабря 2002 года. Ты родился

Даша звонила мне, жаловалась, что схватки начались, но врач посмотрел, сказал, что ещё рано, и не уложил в стационар.

У меня были уже куплены билеты, я спешила в Штаты, знала, какой кавардак бывает сразу после того, как молодая мать с новорожденным приходит домой, и как нужна помощь в первый момент. Спешила, но опоздала. В следующий раз, когда схватки повторились, Дашу положили рожать, и твой отец должен был присутствовать при этом. Но, как я поняла, он в последний момент ушёл. Сидел в коридоре, ждал.

– Я там ничем помочь не мог, только мешался. А зачем мешаться под ногами опытными людям?

Опоздала я на день. Прилетела 7 декабря, а Дашу выписали накануне.

Мои записи.

Малюсенький внучек был красноватого цвета, но совершенно не сморщенный, не старичок, как бывают обычно новорождённые, а ребёночек. Дашка была бледная, вялая, измученная родами, правда, к моменту моего приезда без температуры.

Пока я разглядывала новорождённого и восхищалась внушительными размерами, Дашка рассказала мне, как в роддоме медсестра склонилась над Дарьей, когда она кормила и произнесла:

– Какой симпатичный мальчик! (pretty boy)

А Дарья подняла глаза и удивленно спросила:

– Вы, правда, так думаете? (Do you really think so?)

И вызвала кучу веселья.

Выписываясь, Дарья спросила, когда можно по теперешней зимней поре начинать гулять с младенцем.

– Да лучше не гулять, в магазинах инфекции много.

– Да я не про магазины, а возле дома на свежем воздухе, когда можно?

Выяснилось, что у них с младенцами только по магазинам шляют, а возле дома эти деловые американки не прогуливаются.

– Совсем другая культура, как интересно, – удивилась медсестра.

Из моего письма Лёше:

Малыш, поименованный по настоянию Даши Степаном и упорно называемый Ванькой Коляннычем, так как предполагаемое вначале имя было Николай, сосёт с утра до вечера, и с вечера до утра, делая только 4-х часовой перерыв на ночной сон. Мы успели его запарить, потом слегка засопливить, борясь с потницей.

Через неделю после рождения, а это было вчера, сделали прививку от гепатита. Для этого с семидневным младенцем нужно было посетить поликлинику. Детей перевозят здесь

в специальном пластмассовом приспособлении – стульчике, который пристегивается к заднему сидению машины, а ребёнок пристегивается ремнём к стульчику. Ремень крепится между ног ребёнка, и поэтому наши традиционные заворотки – простая пеленка, байковая пеленка, байковое одеяло и шерстяное и кружевной уголок, весь этот замечательный живой свёрток тут неприемлем, и на недельного малыша, когда мы везли его к врачу был надет маленький комбинезон на синтепоне. Спасибо, дитёнок большой и по размерам как средний двухмесячный, а то, как такую мелочь, какой были наши с тобой дети и наши внучки, транспортировать в такой экипировке? Просто сесть в машину с младенцем нельзя, увидят, донесут и лишат родительских прав, но, возможно, это просто страхи местных, которые «понаехали тут».

В поликлинике нам выдали отдельную комнату, где Степан два раза поел, один раз навалил и устроил фонтан при виде доктора, а после укола завопил как резанный, показал, на что способен.

В поликлинике с десятков маленьких – метров на пять – комнаток, куда проходят мамы с детьми и ждут, когда к ним придёт врач.

Вероятность подцепить инфекцию от других детей резко понижается.

Мыть младенцам попки в американских ваннх очень неудобно.

Сама ванна низкая, сантиметров 30 от полу, и на такой же высоте находится кран. Помыть ребёнку попу под этим краном можно только стоя на коленях или согнувшись в три погибели, при этом сзади у тебя находится раковина, которая упирается в спину.

Значит, нужно пролезть между ванной и раковиной, наклониться в узком проходе, держа ребёнка на левой руке, правой открыть два крана на левой стороне стенки, помыть малыша, потом выползти оттуда, не разбив себе спину, не шабаркнув младенца ни о кран, ни о край ванны, ни о раковину, если вы вдруг развернулись раньше времени; и, если вы можете всё это сделать, не понятно, почему вы тут брызгаетесь в воде, а не выступаете с успехом в цирке?

Дашка купила гигиенические салфетки, влажные, напитанные невысыхающим раствором, позволяющие быстро протереть запачканное место. Не знаю как американки, но мы с Дашкой, две сумасшедшие женщины из России, после такого обтирания чувствуем потребность прополоскать Стёпкину попку в водичке, и поскольку мы обе не циркачки, то делаем это в раковине, кран там низко, и приходится Стёпке елозить коленками по раковине, но он молчит, не протестует.

И что может малюсенький беспомощный человечек?

Справа у них холодная вода, а слева горячая, всё время надо быть настороже, у нас наоборот, да и удобней правой рукой сначала закрыть правый кран, потом левый.

Один раз Дашка так и сделала, а Стёпка заорал как резанный и, хотя на коже даже красного пятна не осталось, малыш долго всхлипывал, не понравилось ему обмывание в горячей воде.

Ещё есть в наличии крохотная ванночка, в которой можно купать младенца одному, он очень удобно полулежит на подставке, только воды исключительно мало, так что это не купание, а просто полоскание нижней части спины («Вши воду видели, блохам не сказали», вот как охарактеризовала бы такое купание моя бабушка).

Стёпка-Тёпка только три первых дня прикидывался, что он тихий ребёнок, видно боялся, как бы его обратно не засунули туда, откуда он появился, а теперь распоясался и, случается, вопит так, что вспоминались худшие дни с его старшим братцем. Правда, тут очевидно, что у него болит животик, издав определенные звуки, младенец замолкает, а уж когда он всерьез собирается что-то сделать, он так выразительно тужится, что невольно вызывает у окружающих одновременные соответствующие желания; учитывая наличие одного толчка на четверых, это не всегда удобно. Недавно я зашла в ванную, а Серёжка разбежался с обкаканым сыном и выговаривал мне под дверью, что я не поинтересовалась, нет ли ещё желающих, кроме меня.

Услышав мужской голос под дверью туалета, я тут же машинально задвинула щеколду, чем разозлила Серёжку до крайности:

– Ну и чего ты запираешься? – вопил он. – Что же думаешь, я сейчас тебя выволакивать оттуда буду?

От смеха я ещё на две минуты отвлеклась, задержала их.

Из писем к Лёше...

Я веду здесь вполне растительное существование, ем, готовлю, снова ем, все едят, мою посуду, стираю запачканное какашками детское бельё, снова мою посуду. Разнообразием служат, как я уже говорила, походы к мусорке. Тёпка мучается животиком и плачет после еды, тужится, кричит, пукает, потом освободится, мы бегом его мыть, а он снова проголодался, и всё начинается по кругу. Детское бельё тут отличается от нашего, распашонок нет и в помине, вся одежда детская – хлопчатобумажный трикотаж, утыканный кнопками, на распашонке три кнопки, а на своеобразном ползунке с рукавами целых одиннадцать кнопок, шесть вдоль ног и пять на пузе. Можно себе представить, сколько времени я сегодня эти ползунки закрепила!

В честь твоего рождения, Стёпа, в Итаке выдалась на редкость холодная зима. Почти две недели было 20 градусов мороза. Но мы с Дашей укутывали тебя, вывозили спать на порч, и ты сладко спал, просыпался лишь, когда проголодаешься.

Я прожила у вас два месяца и в феврале улетела домой. А в сентябре вернулась. Твой отец сказал мне по телефону:

– Скоро твой внук начнёт ходить, а ты не увидишь, как он сделает первый шаг.

Я устыдилась и быстренько собралась. Виза у меня была, и я на тот момент уже год, как не работала.

Вот внучек и подросток

Из письма:

У Криминских всё как обычно, гора немойтой посуды в мойке, забытые ненужным хламом углы и вопящий младенец, которого пытаются выдать за милое, спокойное дитя, а меня за халтурную бабушку, которая с таким ангелом справиться не может. При встрече младший внук отказался меня признавать, я тоже не очень лезла с нежностями и требовала, чтобы мне показали того крошку, которого я оставила семь месяцев тому назад. Ванька тащил за ноги орущего брата и кричал мне:

– Ничего бабушка, ты ещё его полюбишь!

А Степан волочился лицом по ковру и радостно визжал.

Первое время, когда я водила Стёпку за ручонку, он тихонько рычал, брал на испуг, а то, кто его знает, что у этой бабки на уме, надо поугадать на всякий случай. В хорошем настроении он играет с игрушками и издаёт при этом разнообразные младенческие звуки, выражающие одобрение. В Ванину комнату ему хода нет, там раскиданы мелкие пластмассовые детали, не способствующие укреплению здоровья при поедании. Ещё нет хода в ванную комнату, так как любимая игрушка – это унитаз. Как вы знаете, в американских унитазах налита вода, и так хочется в ней побрызгаться.

Когда его родители неосторожно оставили нас наедине, я налила теплой воды в его большой пластмассовый горшок, и он брызгался в нём минут двадцать, но потом ещё столько же я его переодевала.

Степан переодеваться не любит, а если ему всё же приходится делать то, что он не любит, об этом знает вся округа. Что-что, а напора ему не занимать, тут он перестаёт прикидываться тихоней и становится точь-в-точь как его ближайшие родственники по материнской линии.

Дашина подруга Юля вышла замуж, мы со Стёпкой на венчании не были, хотя мне очень хотелось посмотреть на обряд и на старшего внука: Ваня, одетый в темный костюм, белую рубашку и галстук бабочкой, был там служкой. В ресторан мы со Стёпкой тоже не пошли, а вот на домашнюю вечеринку заявили все пятеро.

Беседа велась по-английски, все русские, кроме меня и Стёпки, свободно владели языком. Мне же было не до бесед, тем более, на чужом языке. Нужно было следить, чтобы Степан не нырнул в аквариум, большой ёмкий с величественно плавающими красавицами-рыбами, которых Степан хотел срочно выловить. Я этого героически не допустила, и внук и рыбы остались целы и невредимы.

После свадьбы Дарья сдала Ванины брюки и рубашку обратно в магазин.

Для того, чтобы вернуть одежду, надо было сохранить чеки, и Даша положила чеки на краю стола, а Степан добрался до них и пытался использовать в качестве предобеденной закуски. Я увидела жующего внука и отобрала бумажки, но чек был изрядно попорчен, где-то примерно треть изжёвана. Дарья мужественно отнесла вещи в магазин вместе с остатками чека.

– Ты там на всякий случай скажи, – напутствовала я её, – что не тот мальчик, для которого куплена одежда, сжевал, а другой, маленький, а то подумают, у этих русских дети дебилы.

Удивительно, но одежду приняли по недоеденному чеку.

Мое письмо Соне.

Здравствуй, Сонечка!

Гуляла со Стёпкой по ближайшим холмам, и вдруг через дорогу пробежала белка. Большая белка с пушистым хвостом. Она вскарабкалась на невысокое дерево на склоне рядом с дорогой, уселась на ветку и стала сердито цокать на нас, как будто ругала нас со Стёпкой на своём беличьём языке, а за что? Видимо, за то, что мы здесь ходим. Ходила, правда одна я, а Стёпка ехал в коляске и, когда всё это происходило, спал и ответить белке не мог, а я молчала и только смотрела на нее. Я не уходила, и белка совсем разозлилась: начала вращать хвостом вокруг попы, как пропеллером, и разоралась буквально на всю улицу. Я наклонилась и сделала вид, что хочу бросить в неё камень, но белка не только не испугалась, а стала ещё быстрее вертеть хвостом и громче цокать. Так и пришлось уйти с территории, захваченной этой смелой белкой.

И Лёше:

Алёшка, у нас стоит тёплая погода, сегодня было жарко, разделись до футболок.

Стёпка плохо засыпает, и я вожу его в коляске по здешним холмам, пока он не уснёт. В горку еле-еле затаскиваю коляску, а вниз ничего, сама катится. Побёгаю, побёгаю так, часок другой, Степан заснёт, поспит полчаса, и снова ушки на макушке.

Ходит он очень смешно, так и бросает его из стороны в сторону. Стёпка рыженький, очень хорошенький, его часто принимают за девочку. Очень любит кошек, как увидит кошку на улице, так и бежит к ней. Жуткий болтун, всё время что-то лопочет, производит массу самых разнообразных звуков.

Вчера к нам приехали Алик с Валец (мой однокурсник с женой) и псом Тимкой, большим черным, тоже из породы сеттеров. Тимка пугался Стёпки, который проявлял к нему значительно больший интерес, чем к подаренной плюшевой собачке. Ребёнок подкрадывался к собаке, тянул ручки, Тимка начинал перемещаться в сторону от ребёнка и тихо рычать. Стёпка пугался, начинал кричать, но не отходил. Мы погуляли по Корнелю, Валя сфотографировала нас с Аликом для истории, и часиков в восемь вечера они уехали, оглушённые, как сказал Серёжка, нашей болтливой семейкой и очарованные мужеством маленького Стёпки, который ковылял на коротеньких ножках качающейся походкой хорошо выпившего человека. И совершенно фантастично проходил десятки метров.

Мы раза три заходили в китайский ресторанчик.

Стёпочкин обычно засыпал в машине, пока мы ехали.

Мы с Дарьей выгружали его тихонько, чтобы не потревожить сон, укладывали в коляску, везли в ресторан.

Мы успевали перекусить, пока он проснётся, потом заглатывать пищу приходилось по очереди.

Стёпа в коляске не сидел ни единой минуты, в точности, как его отец и старший брат, приходилось водить его за ручку по залу, он смешно топал ножками и закручивался на руке. Когда я пускала его одного, он стремительно убегал от меня, покачиваясь. Окружающие, особенно дети и женщины, очень на него реагировали, смеялись, заговаривали. Стёпа очаровательный мальчишка.

Побежав, Стёпочка начинал хныкать – хотел есть. Пока мы его кормили, наступал конец чистоте и уюту этого гостеприимного заведения. Вокруг нас на одноцветном светлом ковре образовывалась необычайно живописная поверхность, покрытая сброшенной Стёпкой едой, причём не столько сброшенной, сколько выплюнутой.

Он грыз хлеб, ел варёные яйца, и ещё мы брали ему пудинг, который он тоже прекрасно уплетал после баночки своего протертого супа, который по большей части благополучно выплевывал.

Я бы тоже выплюнула эту безвкусную дрянь.

Один раз мы ходили туда втроём, Даша, Стёпа и я, а потом вчетвером, брали с собой Ванюшку, который любил такие мероприятия, для него поход в ресторан всегда радость, и он там даже ест прилично.

Из письма Лёше.

Вчера вечером, уже в 11 часов, с инспекторским осмотром пришёл Стёпка в мою комнату и славно потрудился: покидал со стула на пол мою одежду, попытался стащить со столика возле кровати английский словарь, но слаб оказался, обиделся и отправился восвояси, прихватив на всякий случай мою полосатую футболку, но на обратной дороге заметил полиэтиленовый пакет с бумагами и красками и мою зеленую сумку-авоську, которые смиренно лежали на другом столике, бросил футболку, потоптал её, кряхтя и тужась, свалил сумки на пол и удалился с чувством выполненного долга, издавая трубные звуки, знаменующие его победу и удовлетворение от содеянного. Полный разгром моего скромного жилища занял не более минуты.

3 декабря. Сегодня день рождения Стёпы. Маленькая единичка исполнилась. Стёпка очень нетерпелив, любит втихаря шкодить, выбрасывать книжки на пол, раскидывать игрушки. Научился проникать в недоступную для него Ванину комнату – разбегаются и с силой бьются о дверь. Подходит к столу и тянет за клеёнку, но на столе наставлено много, ещё не хватает сил сбросить всё на пол. Стёпа встаёт на цыпочки, но и в таком положении он видит только край горизонтальной поверхности стола. Ручонками быстро-быстро царапает по столу, стараясь хоть что-нибудь уцепить и грохнуть вниз. Пока я это описывала, Степан воспользовался свободой, добыл со стола пластмассовую коробочку с пирожными из шоколадного бисквита и втоптал всё это в бежевый ковролин. Зрелище не для слабонервных.

Ещё, вспоминается, ты любил копать в мусорном ведре. Ведро стояло в шкафчике в кухне, но в Штатах кухонный закуток не имеет дверей. И тебе было раздолье: вывалить весь мусор на пол. Но взрослые хитрые: Даша купила распорки, которые вставлялись в проём двери и загораживали проход. Взрослым ничего не стоило перешагнуть через препятствие, но для годовалого ребёнка это было непреодолимой преградой. Ты стоял возле распорки, рвался в кухню, смешно приседал и громко кричал.

Несмотря на все описанные проделки, ты был вполне терпимым ребёнком, легко переключался на что-то другое, любил стоя в манеже смотреть мультики для маленьких детей, где

лилась водичка, играла музыка, передвигались игрушки и живые животные. Такие бессюжетные картинки.

В конце декабря я улетела в Россию, и мы расстались с тобой на два с половиной года. Тогда ты был веселый и здоровый малыш.

Первое английское слово

Весной следующего года родители твои перебрались в Лос-Анджелес. Там тебя и отдали в детский сад, сначала в русский, а потом, чтобы ты немного освоил и английский язык, в американский.

Серёжка по телефону рассказал нам:

Они гуляли в зоопарке, там были бомжового вида американцы с собакой, которая всех лизала. Потянулась и к Стёпе, Стёпа испугался, и Серёжка взял его на руки. Мальчик с высоты папиного роста почувствовал себя в безопасности.

Хозяева собаки говорили по-английски, и маленький русский мальчик понял, что обращаться к их собаке по-русски смысла не имеет, он указал на пса пальцем и сказал: – Фак хед!

Это были первые английские слова, услышанные родителями от трёхлетнего сына. Посещение детского сада не прошло для ребёнка даром, чему-то он научился. Возможно, правда, не тому, чему бы им хотелось.

И там, в Калифорнии, у тебя начались первые приступы астмы, которая мучила тебя в детстве лет до 11.

Встреча, спустя 2 с половиной года

Даша с Серёжей перебрались из Калифорнии обратно в штат Нью-Йорк. Во время переезда у них гостил Витя и, возвращаясь в Россию, забрал Стёпу с собой, чтобы дать им спокойно устроиться на новом месте, Стёпе было три с половиной года.

Мы с Лёшей встретили их в аэропорту и поехали к сватам на Петровско-Разумовскую, чтобы Стёпа первое время побыл с Витей, к которому он привык, а не сразу к нам.

На Дмитровке застряли в пробке. Трёхлетнему Стёпе было скучно, и он пытался открыть двери машины. Не зная, как отвлечь ребёнка, я вынула изо рта зубной протез и покрутила перед его глазами:

– Видал, что я могу? – сказала я

Ты был потрясен, округлил глаза, заглянул мне в рот.

– А язык вынуть можешь?

Вскоре Витя передал тебя нам. Лёша работал, и мы целыми днями были с тобой одни, не считая собаки. На ближней даче. И я записала в дневник о тебе в то, давно прошедшее, лето.

Арина, первое знакомство

Катя с Аришкой и Соней приехали к нам на дачу.

Стёпочка повернулся и посмотрел на входящих в избу людей. Когда его взгляд упал на двухлетнюю Аришку, идущую впереди сестры и матери, он заулыбался, и личико его засияло.

– Она маленькая? – зазвенел его голосок.

– Маленькая, – сказала Катя.

– Она маленькая, – умильно повторил Стёпа, подошёл к Арине и ладошкой ударил её по голове.

Вмешаться мы не успели. Арина не только не заплакала, но развернулась и шлёпнула в ответ своего двоюродного братца по темени. Звонко так шлёпнула. Стёпочка обиделся, лицо его сморщилось, и он заплакал.

- Стёпа, ты почему ударил Арину? – спросила я строго. – Ты хотел её обидеть?
- Нет, – с горечью непонятого человека ответил Стёпа. – Я хотел с ней поиграть.

Хочу поставить Стёпе мультик. Беру диск, он весь в пятнах.

– Это кто своими пакостливыми ручонками весь диск опять заляпал? Я его сегодня уже протирала, а он опять грязный.

– Это Арина. Я её за это по попе нашлапал. А она кричала:

– Мама, мама, я боюсь Стёпу, боюсь.

Убедительнейшая картина. И всё враньё от начала до конца. Арина только «мама» и говорит. Да и были они всего один день. Два дня, как уехали.

Лето, год 2006. Мы вдвоём и собака Рада на ближней даче

Стёпа маленький, оторван от родителей, среди малознакомых людей. Я его помню, а он меня нет. Приходится объясняться в любви, что мне совершенно не свойственно.

- Стёпа, знаешь, я тебя люблю.
- Ты меня любишь? Почему?
- Ты мой внук, я твоя бабушка.
- А почему ты моя бабушка?
- Потому что я мама твоего папы.
- Ты мама моего папы? Но почему ты меня любишь?
- Бабушки любят своих внуков.
- А почему бабушки любят своих внуков?
- По глупости.

Стёпа удовлетворился и замолчал. Странно, но действия по глупости не вызывали у него вопросов.

Соседский мальчик Дима подходит к ограде. У нас сетка-рабица, и виден он хорошо. С другой стороны к нему подбегает Стёпа.

– Дима! – радостно кричит он, – Дима! Как тебя зовут?

– Дима, – серьезно отвечает тот.

Они бегают вдоль забора и смеются. Наконец, Стёпа устаёт и останавливается:

– Дима, – снова говорит он, – Дима, как тебя зовут?

– Дима, – следует невозмутимый ответ.

Стёпа нашёл червяка, зажал в руке, принёс мне. Я должна была восхититься червяком. Я восхитилась. Потом пришлось подержать его в руке. Я подержала, но созналась, что не очень люблю червяков.

– Соня любит, – решил Стёпа.

– Наверяд ли.

– Нет, Соня мне говорила, что очень сильно любит червяков.

Оставим это сомнительное утверждение на совести Степана.

– Я съем червяка.

– Нет, ни в коем случае. Нельзя есть такую гадость.

– А почему?

– Он грязный, ты его в земле нашёл.

– Тогда ты съешь. Помой и съешь.

– Я не люблю червяков.

– Тогда я Раде отдам.

– Хорошо, Рада пусть ест.

Гуляли по садовому товариществу, Стёпа нашёл красную пластмассовую трубочку, похожую на трубку из шариковой ручки, в которую заливается паста. Несмотря на мои протесты, взял её с собой.

На дороге лужи, их приходится обходить.

– Почему здесь лужи маленькие, а там были большие?

– Там почва неровная, здесь лучше.

Стёпа подносит найденную трубку ко рту, и наклоняется над лужей. Такое впечатление, что он хочет в неё подуть.

– Ай-яй, – кричу я. – Нельзя грязную трубку в рот совать!!!

– А она грязная?

– Да, ты же её на дороге нашёл.

– Я приду, её на стол положу.

– Нельзя находить всякую дрянь на дороге и класть на чистый стол.

Идём дальше. Стёпа смотрит на лужи.

– А Рада из них пила.

– Рада собака, ей можно.

– Я ей трубочку дал, она из трубочки пила.

Господи, что только не выдумает человек, когда ему три с половиной года!

Степан залез на яблоню. Ухватился за тонкую иссохшую ветку, она стала ломаться, он – вопить на весь участок от страха.

Я прибежала на звук: внук высоко, не достаю даже до кроссовок, прилепился к стволу, уцепился правой ручонкой за сухой ломкий сук, чувствует, как он трещит, и плачет:

– Ой, боюсь, ой, боюсь.

Я боюсь вместе с ним: если начнёт падать, то пока долетит до меня, весь издерется о сухие ветки, и не факт, что я его поймаю. Земля в саду, правда, мягкая, покрыта травой, и это утешает.

– Держись за ствол, за ствол держись, – командую я, оглядывая дерево и обдумывая его путь наверх. Как-то он туда залез, значит, и слезть можно.

Внук обнял шершавый ствол, прижался к нему, перестал выть от страха.

– Ногу тяни вниз, ещё вниз, направо, ещё тяни.

Маленькая нога с задранной штаниной медленно сползла до развилки дерева, укрепилась там. Мальчишка перенес на неё тяжесть тела, высвободил вторую ногу и ухватился руками за толстый сук, расположенный ниже.

Вторая нога стала спускаться, скользить по стволу, достигла моих поднятых рук, и уже не ища опоры, внук мешком свалился мне на руки. Я поймала, поставила на землю.

Стёпа подергал руками и ногами, проверяя, всё ли в порядке, и ухватился за яблоню, чтобы повторить восхождение, вернее, вползание на её макушку.

Достигнутый в первый раз результат, видимо, не удовлетворил его. Я разозлилась: даже и спасибо не услышала за спасение, и он снова за старое.

– Если ещё хоть раз полезешь на эту яблоню, я напощаю тебе хороших.

Мой американский внук задумался. Угрозу он слышал в интонации, но чёткий смысл слов был ему неясен. Ребёнок уточнил:

– Ты нашлёпать меня хочешь?

– Да, именно так. Я хочу тебя нашлёпать.

– А почемуууу... – заплакал так, как будто уже получил.

– Чтобы не лазал на деревья, с которых сам слезть не можешь.

– А почему...?

– Вот только попробуй, тогда всё и узнаешь, почему.

Я ушла. Направилась в сарай, к холодильнику, чтобы поставить суп варить. Я туда и шла, когда услышала крики о помощи.

Я взяла кастрюлю, вынула из пакета разморозившееся мясо, но поместить его в ёмкость не успела, снова раздался плач. Я пошла на голос, он доносился из самого угла сада, где стояла старая вишня. Внук сидел невысоко, на наклонном стволе, обхватив его руками и ногами, и плакал.

– В чём дело?

– А почему я не могу на это дерево залезть?

– Потому что на нём веток внизу нет.

– А почему нет?

Я отвернулась и ушла. Направилась к холодильнику.

Если ответить ему, потому что не выросли, он спросит, почему не выросли, и пойдёт сказка про белого бычка, а мне суп варить нужно.

Стёпа и Рада

Какие мыслишки копошатся в маленькой голове, представить трудно.

Ты выбрал Раду сначала в подружки, и это мне было понятно. С собакой интереснее играть, чем с взрослыми людьми, она одного роста, даже чуть ниже, зря не лает и не выдвигает кучу требований, типа умойся, обуйся и почисти зубы. Собаке совершенно всё равно, умывался ты утром или нет, чистил ли зубы, босые у тебя ноги или в носках и кроссовках.

Ты сидел рядом, залезал на Раду и в её будку. Но потом ты решил податься в щенки, стать Радиным сынком. Наверное, тебе казалось, что ей одиноко среди людей, или считал, что у собаки должны быть детки, и вот ты, оторванный от своей матери, решил заменить её собачьей. Сидел на четвереньках рядом с псиной, высунув язык, и дышал часто, часто, как дышат собаки. Передвигаться пытался на четвереньках, оцарапывая коленки о жёсткую траву и песок, но скорость твоя при таком способе передвижения была мала, ты и на ногах не успевал за нашей стремительной собакой, и, в конце концов, ты вскакивал, переходя на более удобное и привычное для человека двуногое передвижение.

Еду поглощать ты пытался без использования рук, слизывая кашу с тарелки и лакая молоко. К счастью, аппетит у тебя был хороший, и ты не мог таким образом насытиться. Да и я сказала строго:

– Если бы у собаки были руки, она бы ела как мы, поняла бы, что это удобнее. Она бы поняла, а тебе, человечку, не втолкуешь.

Ты сдался, есть стал, как обычно. Настырности в тебе не было.

Ты проводил возле будки целые дни, и, в конце концов, собака сделала то, что делала, когда у неё было 10 щенков, – сбежала. Подлезла под рабицу на соседский участок, и легла там. Пролезла она по-пластунски, рискуя оцарапаться об острые края рабицы, а ты проделать это не мог, просто силёнок не хватало.

Ты сидел рядом на нашей стороне и скулил от огорчения, звал Раду к себе, но она лежала, как глухая, не обращая на тебя никакого внимания, но и далеко не уходила, видимо, считала необходимым присматривать за тобой.

Когда я вошла в сад, ты стал жаловаться мне на собаку.

– Почему она не идёт ко мне? Я её зову, а она не идёт.

– Она просто от тебя устала, дай ей покой. Она придёт, подожди, – посоветовала я.

И ты так и поступил, а что ещё оставалось делать?

На следующий год я неосторожно взяла собаку с собой на дачу к Овсянниковым, как раз на Ванин день рождения.

Хотела детей порадовать и Раду одну не оставлять.

Дети действительно обрадовались, накинулись на безответное животное, обнимались с ней, фотографировались, по переменке катались, и кто-то маленький даже за хвост тянул.

Всё снесла наша бедная псина, ни разу не тьякнула и не убежала.

Но как-то раз тебе досталось от нее.

Произошло это событие в квартире. Мы с дедом отдыхали, собака сидела тихо под столом, наверное, от тебя спасалась, а ты залез к ней, и вдруг Рада взвизгнула, ты громко закричал, и вылез из-под стола. Стоишь на четвереньках, как щенок, а на голове кровь, и капает. И слезы тоже капаят.

Я подошла, волосы раздвинула, смотрю, маленькая ранка, а кровит сильно. И одна, хотя от зубов должно было быть две. Я ранку продезинфицировала, ты плакать перестал, Радка под столом затаилась и не вылезает. Наказания боится за содеянное, обидела человеческого детёныша.

Я спрашиваю:

– Стёпа, ты что с собакой делал, почему она голос подала? Почему тебя лапой ударила?

– Я хотел ей усики выдернуть, – печально ответил ты, – а она не дала.

Я собаку ругать не стала. Всё же, наверное, это очень больно, когда тебе усики выдергивают, хоть и из собачьей морды.

Те же и Лиза

Симпатичные округлые ножки в розовых колготках торчали из собачьей будки коленками вверх.

Ступни в красных туфельках скользили по зеленой траве в тщетной попытке сдвинуться с места, и непонятно было, то ли ноги собираются совсем спрятаться в будке, что казалось невозможным, то ли пытаются упереться и вытянуть всё тело наружу.

– Помоги дочери, – сказала я свату, – тащи её из будки за ноги.

– Ещё чего, – возмутился Витя, – буду я дуру такую вытаскивать. Как сама залезла, так пусть и вылезает.

Ноги ещё поелозили по траве, потом стали вытягиваться, удлиняться, показалось туловище, а затем и растрепанная голова десятилетней Лизы, тетки Стёпы, позднего ребенка наших сватов. По взрослому, серьезному выражению её лица никто бы не догадался, что эта девочка только что вылезла из собачьей будки.

– А где же Стёпа? Ты его совсем задавила?

Я заглянула внутрь. Нет, оказывается, не задавила, и Стёпушка барахтался в глубине, пытался выкарабкаться.

Собачий домик был такой высоты, что даже ему, трёхлетнему, невозможно было передвигаться иначе, как на четвереньках.

И как они вдвоём с Лизой там поместились, осталось загадкой.

Я писала веселые рассказы, но на самом деле временами было нам с тобой совсем не весело.

Записи в дневнике

6 июня. 16.42, если верить компьютеру.

Ночью у Стёпочки был приступ удушья, я его ждала, всю ночь бегала, слушала, как он дышит.

Температуру вечером измерить не удалось. Он вертелся, крутился, сражался на ковре с диванными подушками, а ночью задыхался.

Утром было 37.7.

Я вызвала Ольгу Николаевну, нашего участкового педиатра. Полиса (медицинского) нет, а ребёнку плохо.

В легких у него чисто, и врач пока решила антибиотики не давать. Отхаркивающее, капли в нос и антигистаминное.

После ухода врача Стёпа начал жаловаться на боль на десне. Немного вздута десна за последним зубом, но даже покраснения нет. Похоже, зуб лезет.

Температура к середине дня поднялась до 38, и я дала аспирин. Анальгина не нашла.

Сейчас спит. Надо бы и мне поспать. Неизвестно, какая будет ночь.

Мы так счастливо жили в деревне со Стёпкой. Он гонял Радку, а я полола одуванчики и готовила обед. Тогда я уставала, а сейчас мне кажется, так было хорошо по сравнению с тем, что сейчас.

Ты дышал до 100 дыханий в минуту, и пригодился ингалятор, который мы купили, наполнив с Овсянниковыми.

Сам быстренько надел маску, мы подлили лекарство, ты нажал нужные кнопки и покорно, не капризничая, дышал через ингалятор, долго дышал, привычно.

Я так боялась этих твоих приступов. Только в этом, 2018 году выбросила ингалятор.

И каждый год Даша клала в твой чемодан лекарство, которое нужно было вливать в ингалятор.

16 июня.

Стёпа скучает по родителям. Сидел на стуле на кухне, ел кашу и ныл: хочу в Америку, хочу в Америку.

– Скоро мама прилетит, – успокоила его я.

– А почему?

– По тебе соскучилась.

Дарья действительно должна прилететь 26-ого.

Овсянниковым мальчишку не отдала, да они и не очень настаивали...

Погода испортилась, и мы ещё и не выходили гулять.

Во время своего первого пребывания в России ты тосковал по матери. Не то, чтобы был грустен, или терял аппетит, или любовь к движению (помнишь: I like to move, эта песенка про тебя), но вспоминал часто.

Когда к нам в Малую Чёрную в гости приехала моя подруга Света, со стрижкой и цветом волос, похожими на Дашины, ты, завидев её у калитки, кинулся с радостным вскриком навстречу, потом затормозил и спросил, как будто ещё на что-то надеялся:

– Вы не моя мама?

– Нет, Стёпа, – сказала Света, – я не твоя мама.

– А вы не знаете, – спросил ты, – почему так: я здесь, а мама там?

И мне стало очень грустно. Но вскоре прилетели родители, и ты повеселел.

Все вместе, Валера и Катя с девочками, и Серёжа с сыновьями и Дашей устроили праздник шашлыков на ближней даче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.